

Нет автора

Журнал "Работница"

№3, март 1963

УДК 64
ББК 37.279
Н57

Н57 **Нет автора**
Журнал "Работница": №3, март 1963 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2023. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45492-6

В период с 1918 года по 1920 года выпуск издания был временно прекращено, с января 1923 года - возобновилась в Москве. Позже у журнала пропала политическая подоплека и "Работница" стала первым журналом для женщин. Журнал "Работница" обладает особым искренним и доверительным стилем общения с читателем, что обеспечило журналу тираж более 13 миллионов экземпляров.

ISBN 978-5-458-45492-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сить делегатов и от этих союзов и обществ, если же есть какие-либо женские ликвидаторские группы, то сделать предложение и им. Обсуждение этого вопроса заняло много времени и вызвало горячие споры. Затем обсудили вопрос о средствах на посылку делегатов. Решено поставить на обсуждение членов союзов и культурно-просветительных обществ о том, чтобы они для этой цели изыскивали средства, в размере 10 — 15 руб., каждое общество и союз.

3-е собрание (15-го июня) открылось докладами уполномоченных, из которых выяснилось, что постановления собрания уполномоченных их организациями приветствуются и организации обещают с своей стороны всяческую моральную и материальную поддержку, расходы по посылке делегатов организации берут на себя, в размере до 15 р. на организацию.

Далее делает доклад исполнительная комиссия женской организации о своих переговорах с членами из ликвидаторской группы по организации женского дня.

Ликвидаторы выразили согласие войти в женскую объединенную организацию, но лишь при том условии, что они будут пользоваться столькими же голосами, как и правдисты, и из 2-х делегатов одна будет ликвидаторша. Собрание поручило исполнительной комиссии передать ликвидаторам, что не может быть и речи о том, чтобы 3 професс. и культурно-просветительные общества имели столько же голосов, сколько 14-ть, что двери организации для них открыты, но на тех условиях, что каждое ликвидаторское общество имеет право, как и правдистское, лишь на 1 голос.

Затем перешли к вопросу о необходимости связаться с московскими организациями по организации женского движения.

Постановлено послать в Москву для доклада о положении дела в Петербурге и для установления постоянной связи между обеими столицами. Сделано сообщение о приезде делегатки из Риги по организации женского движения».

В интересах соблюдения конспирации в корреспонденции не названо ни одной фамилии, ни слова не говорится о связях организации работниц с редакциями «Правды» и «Работницы», с Петербургским комитетом большевиков и другими партийными организациями. В августе 1914 года началась первая мировая война, и III Международная конференция женщин не состоялась. Многие передовые работницы были арестованы и высланы из столицы. В традиции организации не пропали. В марте 1915 года от имени организации вышла листовка, призывавшая работниц выступить против войны. В сопоставлении с другими материалами публикуемый документ позволяет нам прочитать одну из увлекательных страниц истории борьбы нашей партии за организацию женского пролетарского движения.

Письмо Н. К. Крупской и корреспонденция хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и публикуются впервые.

О. ОБИЧКИН

Как большой всенародный праздник торжества советской демократии прошли 3 марта выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. На снимке: в день выборов на 141-м избирательном участке Первомайского района города Москвы.

Фото Н. Маторина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Н. МОНЧАДСКАЯ

Это походило на поединок. Правда, в комнате были и другие. Сидели главный врач больницы, секретарь заводского парткома, директор комбината — все люди солидные, серьезные. И говорили-то больше они, спрашивали, подавали реплики. Но не пропадало ощущение, что главный бой происходит между двумя женщинами.

Одна сидела на председательском месте за длинным, узким столом. Невысокая, невидная, с внимательными глазами, то совсем темно-серыми, то прозрачными, как родниковая вода.

Вторая стояла между столом и дверью. Сухая, с лицом, похожим на стертую деревянную ложку. Бессильно повисли вялые руки. Вся какая-то скользкая, тусклая, будто молюю траченная. И ведь еще не старая, сорока, вероятно, нет. Глаза опущены, а когда смотрит на сидящую за столом, в них мелькает что-то колючее. Не вьжется этот злобный взгляд с елейным голосом, покорными словами.

Идет заседание исполкома поселкового Совета. Разбирают деятельность руководителя религиозной секты Надежды Львовой, той, что стоит сейчас и прикидывается тихоней.

Ведет заседание председатель исполкома Аграфена Яковлевна Пискунова. Она смотрит на смиренницу Львову и

вспоминает разговор, происходивший в этой самой комнате недели две назад. Тогда плакала и жаловалась на свои обиды пожилая женщина, одна из многих, одуряченных Львовой.

— Я ж ей все делала: и огород полола, и шерсть пряла, и варежки вязала, и полы мыла. А она хоть бы разочек спасибо сказала. Только одно и слышала от нее: «Богу так угодно», да «бог так хочет»... А чтобы мне поесть досыта, этого бог не хочет?

С того разговора и потянулась веревочка, раскрылась двойная жизнь Львов, Грешниковых, Банщиковых.

Банщиков — в прошлом уголовный преступник. Все они не работали, жили, сторонясь жизни. Втягивали в секту людей неопытных, попавших в беду. Сначала обласкивали, а потом заставляли на себя работать.

— Ну, что ж, отпустим гражданку? — услышала Аграфена Яковлевна басовитый голос одного из членов исполкома. — У вас нет к ней вопросов?

Когда Львова неслышно притворила за собой дверь, он же и предложил:

— Передадим дело в суд — и точка. Пусть выселяют из поселка.

— А я думаю, это мы всегда успеем, — негромко возразила Пискунова. — Сначала надо попробовать воспитать.

Сидящие переглянулись. Любимые слова председателя исполкома — «воспитывать, воспитывать надо людей!» Только в безнадежных случаях идет она на административные меры.

Забегав немного вперед, скажу, что и Надежду Львову много раз вызывала в исполком Пискунова, убеждала, доказывала. Обращалась к материнскому чувству Львовой: ведь у нее сын растет, ему жить, а что хорошего видит он в доме матери? Но Львова упрямо, злобно молчала и продолжала свое. Убедившись, что, стараясь спасти одну Львову, она рискует повредить многим, Аграфена Яковлевна согласилась: надо перевести дело в суд.

Разные люди с разными заботами, тревогами, просьбами обращаются в поселковый Совет.

Пожилая женщина жаловалась: два сына живут по-хорошему, семьями обра-

бесед с бывшей учительницей парень, словно одержимый, кидается из дому, а возвращался под утро пьяный, скандалил.

Тогда председатель исполкома решила: пошла на завод, узнала, что парень стоит в очереди на получение жилья, и попросила дать комнату не ему, а его жене, тоже работнице. Так и сделали. И тут, оскорбленный, уязвленный, он сам пришел в исполком.

— Не дадим куражиться над женой и матерью, — жестко сказала ему Пискунова. — Будешь жить по-хорошему — живи, а станешь буянить — иди на все четыре стороны.

И, представьте, помогло. Похоже, что в новом доме и жизнь у семьи пошла по-новому.

Пашино — большой рабочий поселок в тридцати километрах к востоку от Новосибирска. Существует он десять лет. Немного меньше работает в исполкоме поселкового Совета Аграфена Яковлевна Пискунова.

В письменном столе она хранит альбом, который сделали и подарили поселковому Совету ученики одной из местных школ. Это история поселка в фотографиях. Есть страницы, на которые Аграфена Яковлевна смотрит с особым чувством.

Деревянный барак. Здесь помещалась начальная школа № 34, в которой учительствовала Пискунова. Часть классов была в доме, где теперь поселковый Совет. На другом фото — отличное двухэтажное каменное здание за красивой оградой среди зелени. Сюда переехала тридцать четвертая школа. Но Пискунова недолго поработала в новом школьном доме. Ее избрали сначала секретарем, а потом и председателем исполкома поселкового Совета.

Скоро кончается срок полномочий поселкового Совета, скоро выборы. Перед этим Пискуновой предстоит отчитаться за работу исполкома. Большое, серьезное дело!

...Наступил вечер. Давно разошлись сотрудники исполкома. Тихо в доме, так шумно и многолюдно днем. Пискунова сидит за письменным столом, перед ней ворох бумаг, документов, вырезок из газет. Она пишет:

«За 1961—1962 годы в поселке построено и сдано в эксплуатацию 3718 квадратных метров жилой площади. В благоустроенные дома переселилось более 130 семей...»

Коротко, сухо, а сколько за этим волнений, упорства, хлопот! Взять хотя бы тот 16-квартирный дом для учителей и медицинских работников.

Строительство шло медленно, один за другим ломались сроки. Не было, кажется, дня, чтобы председатель исполкома не забежала на стройку. Ругалась с прорабом. Помогала доставать материалы. Беседовала с рабочими. Потом установили депутатский контроль. Обсудили ход строительства на исполкоме. Прораб клялся, что в июне дом будет готов. Прошел июнь, июль, кончился август. А отделочные работы все тянулись. Тогда Пискунова написала в «Вечерний Новосибирск». Опубликовали. И как подействовало! Дом был закончен меньше чем за месяц.

А строительство дороги! Новосибирск близко, а поди доберись до него в распутицу или в метель! Наконец добились:

проложили хорошее шоссе. Но на два километра не дотянули до поселка. А эти два километра каждую весну и осень дорого обходились поселковому Совету. В прошлом году подпочвенные воды хлынули на дорогу и разрушили полотно. Между школой и клубом разлилось озеро. Ни пройти, ни проехать. Люди отправлялись в обход. А машины?

Пискунова просила помочь директоров предприятий, расположенных в поселке. Но они отмахивались. Тогда пошла на крайнюю меру — закрыла движение по дороге. Тут сразу обрели голос руководители предприятий. В Новосибирск полетели жалобы на самоуправство председателя исполкома.

«Жалуйтесь, жалуйтесь, — думала Аграфена Яковлевна. — Может быть, хоть это заставит взяться за дело...»

Пискунову вызвали в райисполком. Она без спора согласилась: жалоба обоснованна.

— Ой, хитришь, Аграфена Яковлевна, — сказал председатель райисполкома. — Давай выкладывай, что тебе нужно.

А Пискуновой нужно было только одно: чтобы дорогу привели в порядок и дотянули до поселка.

Общими усилиями быстро засыпали размытую яму щебенкой. А на 1963 год включили в план окончание шоссе.

...Нет, так никогда не кончишь писать отчет, если дашь волю воспоминаниям. А рассказать надо о многом. Благоустройство, медицинское обслуживание, народное образование, культурно-просветительная работа, торговля — всем занимался исполком за отчетный период.

На предвыборном собрании Аграфену Яковлевну Пискунову снова выдвинули кандидатом в депутаты Пашинского поселкового Совета. Выступали рабочие, говорили тепло, уважительно. А на другой день в исполком пришли несколько работниц и сказали Пискуновой:

— Выдвинули тебя, Аграфена Яковлевна, нашим депутатом. А главный наказ мы тебе дадим такой: оставайся прежней нашей Груней, тогда мы тебя во всем поддержим. Если же зазнаешься — не взыщи, будем критиковать.

3 марта Пискунову вновь избрали в поселковый Совет. По-прежнему она председатель исполкома.

...Домой возвращается Аграфена Яковлевна поздно. Идет дальней дорогой, мимо детсада, новой школы, клуба. Утром-то некогда, бежит через поле, напрямик. А вечером хочется пройти по новым улицам. В домах красиво светятся разноцветные, как елочные фонарики, окна. Из клуба доносится музыка. Яркие освещены витрины магазина. После забот и волнений минувшего дня особенно приятно все это видеть.

Скрипит голубоватый снег под ногами. Аграфена Яковлевна идет медленно, здоровается с прохожими. Отдыхает. Ведь завтра предстоит такой же тревожный, наполненный хлопотами рабочий день. Заниматься ей придется самыми разнообразными делами, ибо разнообразна, не укладывается ни в какие расписания жизнь людей. А Совет депутатов трудящихся — от поселкового до Верховного — для того и существует, чтобы делать эту жизнь лучше, чище, выше. Ему до всего дело.

пос. Пашино.
Новосибирск.

Аграфена Яковлевна Пискунова.

велись, работают, учатся, а младший — непутевый. Год назад женился. Мать думала: теперь оступенится. Ничего подобного! Месяца два продержался, а потом опять пьянство, прогулы, драки.

— Вы ж его знаете, Аграфена Яковлевна, — говорила женщина. — Он у вас учился...

Да, Пискунова помнит. Парнишка и тогда был не из легких. Но классную наставницу уважал, она умела обуздать буяна.

— Поговорите с ним, — просит мать. — Ведь он добрый. Только шальной какой-то. Водка губит.

Аграфена Яковлевна заходит к бывшему своему ученику, теперь рабочему хлебозавода. В маленькой комнатке теснятся мать, сын, невестка, новорожденный. Она заходит еще и еще, уставая, после напряженного дня в исполкоме, разговаривает с парнем по-хорошему, а другой раз пытается усовестить. Но случалось, что и после душевных

Елена УСПЕНСКАЯ

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Первые корреспонденции журналистки Елены Борисовны Успенской появились в 1942 году в газете «Пионерская правда», где она в ту пору работала.

Затем ее рассказы, очерки и взволнованные публицистические статьи стали печататься на страницах «Правды», «Огонька», «Комсомольской правды».

Первая повесть писательницы «Наше лето», посвященная жизни студентов-биологов, была опубликована в 1948 году. Позже в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник рассказов «Я звоню с аэродрома» и повесть о жизни коммунистических бригад «Третья заповедь».

В 1958 году журнал «Новый мир» напечатал повесть о молодоженах-строителях Заполярья — «Жена шагающего».

В соавторстве с поэтом Львом Ошаниным Е. Успенская написала две пьесы «Твое личное дело», «Я тебя найду» и сборник «Енисейские раздумья», родившийся в результате путешествий по Красноярскому краю.

Сейчас Елена Борисовна Успенская готовит к печати книгу публицистики «Вчера, сегодня, завтра», которая явится итогом двадцатилетней работы в журналистике.

Большинство героев писательницы — молодежь: строители, студенты, учителя. Героиня новой повести, с которой мы начинаем сегодня знакомить читателей, продолжит галерею созданных Успенской характеров наших молодых современников.

ДЕВУШКА С ДАЛЬНОЙ БИРЮСЫ

Маленькая повесть

Бессонная девчонка

Кто-то тихо взвизгнул. Донька прислушалась. Показалось? Нет. Визг повторился, только на этот раз он был громче, настойчивее. Донька никак не могла понять, откуда этот визг. Она пошла вдоль палубы, но в каютах за спущенными шторками было совсем тихо. Ветер подталкивал ее в спину, подталкивал все сильнее, сильнее, так, что она даже ускорила шаг, а затем, словно решив, что Донька идет все-таки слишком медленно, обошел ее с двух сторон, упругими струйками пролился между пальцами, панибратски взъерошил волосы и, тихо свистнув, скользнул в Енисей, выкрутившись витым белым барашком.

На палубу выскочил заспанный мальчик в громадных резиновых сапогах.

— Опять плачет? — озабоченно спросил он Доньку и побежал по трапу наверх. Донька за ним.

Мальчик подбежал к трубе, в которой, к удивлению Доньки, оказалась дверца, открыл ее и присел на корточки, заглядывая в темноту. В глубине трубы спал, свернувшись, рыжий щенок. Ближе к дверце, растопырив лапы, сидел точно такой же щенок, только раза в три меньше, и визжал.

— Ведь сытый же, — недоуменно сказал мальчик и, оглянувшись на Доньку, прибавил высокомерно: — Лайка. Остязкая. Ездóвая.

Донька завистливо оглядела ездовую, которая, впрочем, пока была еще совсем непохожа ни на лайку, ни на ездовую, ни вообще на что-нибудь путное.

Второй щенок тоже проснулся, сонно моргая, поглядел на

них, потом зевнул длинно, по-детски, с привизгом и снова свернулся клубком.

— Подложи маленького к нему, — посоветовала Донька. Мальчик сунул щенка между лапами другого. Маленький ткнулся мордой раз, два, спрятался в теплую шерсть, вздохнул глубоко и затих.

Донька снова спустилась на палубу. Щенок уткнулся в старшего, надежного, и затих.

А ей холодно. И Енисей такой широкий. Говорят, это красиво, а вчера, когда лесистые берега наступали на свинцовую воду, было, кажется, лучше. Мир был пустой по-прежнему, но хоть потеснее. А сегодня этому миру конца-края нет. Вчера тоже было плохо. И позавчера. И давно. С тех пор, как у них с Андреем все кончилось.

Внутри теплохода было так уютно и светло, что казалось невозможным поверить в то, что теплоход режет упругое холодное сопротивление воды и ветра. Донька, привычно бесшумно ступая, шла по длинному коридору, словно ночью на обходе в больнице. Только здесь она никому не была нужна. Никто не шепнет: «Сестричка! Дониошка!» По обе стороны за полированными дверями кают спали здоровые люди и даже не просто здоровые, а счастливые люди. Донька постояла возле своей каюты, хотела было войти, но не решилась. Там снова ждала ее эта проклятая, вечно горячая подушка, на которой невозможно уснуть.

«Еще разочек», — решила Донька и снова пошла по дорожке коридора.

«Нам бы такое помещение, — подумала она. — И комнатки, как каюты, на одного-двух, чтобы спали, а если бы еще круглое окно, да с таким видом...»

Рисунки П. Пинкиевича.

Донька не выдержала и усмехнулась: она уже не раз ловила себя на том, что если ей где-нибудь очень нравится, то немедленно хочется перевезти сюда больных.

Ее травматологическое отделение размещалось в одном коридоре. Часто ей нравилось, что оно такое маленькое — всего шесть палат. Но когда больных привозили много, особенно в гололедицу или под праздник, Донька сердилась и, лавируя между койками в коридоре, ворчала: «Упрятали в тесноту...»

Потом она стала присматриваться и решила, что их отделение строили два человека: маленькие палаты — добрый, а большие — злой. В больших лежать было трудно, душно, больные мешали друг другу спать, а иногда даже ссорились. Это Доньку удивляло: она думала, что больной человек не может испытывать никаких мелких чувств.

Может быть, это потому, что когда человеку очень больно, то ему кажется, что боль усиливается от всего: от яркого света, от смятой подушки, от громкого голоса, даже от какой-нибудь фразы в книжке?

Донька еще раз поднялась на палубу, и ветер, словно узнав ее, бросился навстречу. Он был такой плотный, этот ветер, что Доньке вдруг показалось: его можно побольше набрать в горсть; если нести очень осторожно, то, может, донесешь до каюты и там выпустишь на подушку, чтобы она наконец перестала быть горячей. Она даже попробовала это сделать, но ветер вдруг сделался гибким, как хлыст, проскользнул и умчался. Она смущенно оглянулась: нет, никто не видел.

Перед дверью каюты она снова помедлила. Скорей бы домой... Обратно. Там некогда думать о себе. Но путевка на две недели, а прошло всего три дня.

В каюте было душно. Рябые тусклые полоски света с освещенной палубы падали через шторку на Донькину подушку. Вера Николаевна приподняла седую голову.

— Опять не спишь, дурочка?

— Я сейчас...

Донька бесшумно скользнула под одеяло и затихла. Она легла неудобно, не укрывшись как следует, но не хотела шорохом тревожить Веру Николаевну, которая спала хрупким старческим сном. Она хорошая, Вера Николаевна, ни о чем не спрашивает...

Вообще в этом смысле Доньке повезло. Две верхние соседки тоже почти не разговаривали с ней. Беленькая Галя читала и грызла кедровые орехи. Она читала утром, днем, вечером...

Когда Вера Николаевна спрашивала ее, что она читает, Галя поднимала потусторонние глаза, быстро взглядывала на обложку, не всегда правильно произнося, называла фамилию автора и снова утыкивалась в книгу. «Несистематическое чтение», — констатировала Вера Николаевна, но ничем не ме-

шала Беленькой Гале. Она вообще никому не мешала и, казалось, принимала всех людей такими, как они есть. Даже когда Черненькая Галя в первый же вечер заявила, что «самое главное для этой водяной волокиты — подыскать подходящего мальчика», Вера Николаевна только улыбнулась и заметила, что путевка Черненькой Гале, видимо, «не в коня корм».

На следующий вечер Галя сообщила, что подходящий мальчик нашелся, но отбивает какая-то Рыжая из Перми. На третий выяснилось, что Рыжая взяла верх, но Черненькая Галя не унывала, она быстро нашла двух подружек, они ходили втроем, держась за руки, и пели высокими голосами: «А у нас во дворе есть девочка одна...»

Правда, в первый же день к Доньке подошел коренастый парень с очень голубыми глазами и так, словно имел на это право, спросил, как ее зовут. Глаза у него были добрые. Донька растерялась и ответила.

— А что ты умеешь делать? Петь, танцевать, читать с выражением?

Донька когда-то умела и петь, и танцевать, и часто читала вслух, сначала деду, а потом больным. Но все это было очень давно, когда она еще не любила Андрея. Семь месяцев тому назад. Она поглядела на своего собеседника горькими взрослыми глазами и сказала, что она ничего не умеет. Но он, видимо, не понял ее. Стоило ему только завидеть Доньку, он нечутко кричал: «Донька, иди на беседу», «Донька, давай подпевай!» — видимо, забыв, что петь она теперь не умеет.

Вадим приставал ко всем, такова уж была его обязанность: он работал на теплоходе массовиком.

Донька видела, как он прижал к перилам на самом ветреном участке палубы профессора из Москвы. «Вы же историк, — укоризненно уговаривал он. — Ну что вам стоит поделиться знаниями с народом?» Историк отвечал, что он никогда не занимался Сибирью, а делится с народом тем, что он знает, в книгах и на лекциях, сейчас же хочет просто подышать воздухом. Чем кончился этот разговор, Донька сразу не узнала, так как профессор оглянулся, и она независимо пошла дальше. А вечером, кажется, все-таки была его лекция.

На следующий день Вадим занялся преследованием седого человека в роговых очках, который подолгу бродил по палубе и что-то мурлыкал про себя. В вечер отплытия Донька видела, как он стоял на корме, где девушки пели задумчивую песню, покачивал головой в такт ей, а потом тихонько пошел по палубе. Доньке показалось, что он пронес мимо нее что-то свое, особенное, заповедное...

Вадим ходил за ним долго, в чем-то убеждал, а седой человек, сняв очки, поглядывал на него незащищенными близорукими глазами. Потом он надевал другие очки, с биноклем, и смотрел на берега.

Доньке становилось горько, что он настолько близорук, и

Новые стихи

Ирина СНЕГОВА

* * *

Я смотрю, как быстро и искусно
Рубят в поле женщины капусту.

В этих грядках, сизых и лохматых,
Говорят, и нас нашли когда-то...

Я лежала на листе капустном,
Хрусткий холод чувствуя спиною.

Медленно, торжественно и пусто
Небо проплывало надо мною.

И тогда она ко мне склонилась,
Мать моя, от ветра заслонилась —

Самую свою большую милость
В этот миг мне жизнь моя явила...

Убирают женщины капусту,
Ветер сыплет пылью ледяною.

Медленно, торжественно и пусто
Небо проплывает надо мною.

* * *

Жив-здоров. Не глядишь на другую.
Вот и все. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую.
Разлюбил? Но и я не люблю.

Просто мне, чтоб по белому свету
Подыматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то,
Жив-здоров... И не дышишь другой.

* * *

Как снег скрипуч и бел,
В мешках бумажных мел,
И зеленью порос
В ведрке купорос.
Смывай, смывай, маляр,
С угрюмых стен нагар
И копать черных дней
Над головой моей.
Вовек таких не знай,
Смывай их след, смывай!
И с примесью зари
Мне колер подбери:
Сквозной, как солища сок,
И теплый, как песок,
Веселый, как загар
Руки твоей, маляр,
Чтоб жил в нем поля звон,
Чтоб пах лимоном он,
Чтоб проступал сквозь тьму,
Чтоб не чернеть ему!

хотя так тянется к этой красоте, даже через свой бинокль не может разглядеть ее. А она видела отчетливо и луну, и легкое белое птичье крыло облака между луной и собой, и дрожащий теплый огонек на реке. Но красота была ей сейчас ни к чему, а седой человек, который так искал красоту, не мог ее увидеть.

Дня через два Черненко Галия сообщила Доське, что они разучивали песню, которую седой композитор написал специально про Енисей.

После того, как песня была разучена и ее уже распевали на теплоходе, Вадим охладил к композитору и мертвой хваткой вцепился в знаменитого красноярского пчеловода. Но пчеловод был занят — он сердился:

— Это что же такое? Податься некуда. Понастроили. Всю тайгу сведем, зверя вспугнем, рыбу... — Успокаивался он только тогда, когда теплоход шел среди нетронутых лесистых берегов, и чем дальше от берега, тем темнее казались леса и где-то в бесконечной дали черными острыми зубьями вгрызались в неяркое просторное северное небо.

— Это вроде еще подходяще, — бормотал пчеловод.

Все эти люди, вся эта жизнь шла рядом с Доськой, чуть касаясь ее то улыбкой, то чистой нотой песни, то лунным лучом... Они помогали ей хоть на минуту перевести дух, забыть те бессонные ночи, когда она сидела подле Андрея и он, измученный болью и температурой, доверчиво сжимал ее руку в своих горячих ладонях, которые уже стали мягкими и белыми — больничными.

Пожалуй, прав был главный врач Виктор Севастьянович, когда сказал: «А нашу бессонную девочку давайте премируем путевкой в Красноярск — Диксон. Деваться некуда, ветерком обдует, водичкой обмоет, красотой утешит. Пускай отоспится». А бессонная девочка не спала, бродила по теплоходу и завидовала сонной тишине за деревянными шторками чужих кают.

Уж лучше бы путевку дали Клаве. Она бы пела вместе с Галией, ходила на беседы, а по вечерам отбивала такт своими каблучками на холодной корме. Здесь бы каблочки подошли.

Клава считает, что ей нужна яркая губная помада, и всегда старается выпустить прядь курчавых волос из-под косынки. И как будто не замечает, что Виктор Севастьянович каждый раз морщится, услышав стук ее каблучков. И особенно раздражается из-за ее резких окриков: «Потише, больной!», «Подождете, больной!», «Вы у меня не один, больной!».

Клава завидует Доське, ревнует Виктора Севастьяновича к ней и зовет ее «любимица главного». Это она пересказала Доське разговор о путевке: «Красота утешит...» Откуда Виктор Севастьянович знает? Ведь Доська так старалась не показывать вида...

Дед

Теперь где-то там остался человек, у которого были две жизни — несовместимые.

Дом Андрея и его внешняя жизнь были противоположны друг другу по самой своей сущности.

У Доськи тоже были две жизни и тоже несовместимые. Об этом она думала по ночам. Об Андрее она думала только днем, утром, вечером, когда кругом были люди и нельзя было плакать.

Доськина жизнь не совмещалась только во времени и территориально. Она не могла уехать из Красноярска, так как должна была обязательно закончить институт, иначе она не имела права вернуться в свою прежнюю жизнь, к деду... Конечно, не домой к деду, что ей там делать? У них в деревне всего двенадцать изб, и, насколько Доська помнит, люди раньше не болели, а просто жили и жили, иногда кто-нибудь умирал. Болеть начали только с тех пор, как на лесосеку к раненому лесорубу прилетел хирург на вертолете. Но ей обязательно надо было быть поближе к деду, в районном центре, в больнице. А там уж до деда рукой подать.

Но все-таки быть поближе к деду ей необходимо. Дед очень старый, вдруг придется лечить. Мысль о том, что дед может умереть, вообще никогда не приходила Доське в голову, да и самому деду, вероятно, тоже. Сколько Доська себя помнила, дед был совершенно одинаковый: не очень высокий, с виду даже сухонький, но крепкий, легкий на ногу. Он никогда не кричал, хотя в каждой книжке, которую Доська читала, обязательно было написано: «Баба, крихля, слезала с печи» или «Дед, крихля, вышел на крыльцо...» Ничего подобного с ее собственным дедом не происходило. Он ходил бес-

шумно, упруго, и ему было некогда ни сидеть на крыльце, ни лежать на печке, тем более, что спал он на кровати.

Что касается бабки, то Доська ее вспоминала меньше, так как, когда бабка была жива, Доська реже бывала с ней, а после смерти дед о ней никогда не рассказывал. Наверное, потому, что сильно любил. Пока была жива бабка, дед учил Доську на мальчишку. У него были две дочки, и у обеих дочек тоже родились все девочки. А деду необходим именно мальчишка. Весь курс дедова образования обрушился на Доську с трех лет, с того дня, когда он вынес ее на руках из дому и сразу же поставил на лыжи.

Тетка Надежда рассказывала, что дед и ее пытался учить на мальчишку. Но тетке Надежде больше нравилось стряпать и вышивать. Теперь она жила в Ленинграде. Когда тетка Надежда уехала учиться на педагогический, то познакомилась с каким-то человеком, и он увез ее в Ленинград. Муж тетки Надежды писал книжки. Одну он прислал им, и Доська прочла ее деду вслух. Она вызвала у Доськи странное ощущение. Когда читаешь книгу, то или плачешь, или смеешься, и после нее думаешь, а иногда даже не спишь. Эта с виду была совершенно такая же, как и те. И многое в ней было вроде похоже: герои влюблялись и ревновали в свободное от работы и общественных нагрузок время. Но все это забылось сразу. Не только имена героев, но даже и то, что они делали.

Зато она отчетливо поняла одно: именно потому, что Надежда вышла замуж за этого человека, ни она сама, ни ее муж, ни их первая, ни их вторая дочка так ни разу и не приехали в гости. А дед обязательно писал им в феврале, что ждет в мае, а в мае, — что ждет на Новый год. Дед и Доська относили письма на почту за 30 километров, и уже с конца апреля бабка перебивала печь, начинала стряпню. К приезду гостей в избе нечем было дышать — так натоплено, — и хотя все село ело бабкины пироги, все равно они оставались. А второго мая дед снова писал письмо и приглашал уже на Новый год. И они опять относили письмо на почту. И каждый раз дед объяснял бабке, что Ленинград далеко и у Надежды, наверное, нет денег на самолет и подарки. Бабка плакала, пироги черствели.

Доськина мать, Маша, была такая же маленькая, как Доська, в деда, веселая, с синими упрямыми глазами. Она тоже уезжала учиться, а потом привезла мужа, техника. Бабка рассказывала Доське, что деду ее отец сначала не понравился, потому что боялся комара и мошки. Но потом дед стал водить его в лес, на рыбалку и, кажется, привык и полюбил. Ждал

в гости, но на следующее лето зять сдавал экзамены, а на другое лето должна была родиться Дonya, и мать боялась дороги, а на третье началась война. Отец, который боялся мошки, ушел на фронт и погиб смертью храбрых, а мать осталась на заводе работать вместо него. В первый отпуск она приехала очень худенькая, с помертвевшими глазами. Пока бабушка плакала над Донькой и называла ее сироткой, дед увел мать на пасеку, и пришла она оттуда уже чуть-чуть оттаявшая. Потом она приезжала уже каждый отпуск. Первый раз рассмеялась она года через два, когда Дonya позвала ее: «Маша, иди обедать!» Дonya совсем недавно поняла, почему она смеялась. Виделись они редко, вот Дonya и звала ее по-дедовому; а года через три мать привезла нового мужа.

Доньке сказали, что это ее второй отец, и она стала собираться в дорогу, стараясь поменьше смотреть на деда и бабушку, чтобы они не поняли, как она их жалеет. Новый отец долго думал, шептался с матерью и, наконец, сказал, что, пожалуй, пусть Дonya останется здесь, потому что там, куда они едут с матерью, детям лучше не жить. Мать согласно кивнула головой. Бабушка закричала было, что, конечно, отчим не может любить девочку, как родную, а Донькину мать, Машу, вдруг обозвала гулящей. Мать заплакала. Отчим замолчал. А дед очень рассердился.

— Ему на границу ехать надо, ты что, не понимаешь? — закричал он на бабушку. — Там дитя ни к чему.

На другой день новый отец увез мать туда, где лучше не быть детям, и они снова остались вдвоем... Когда они уехали, бабушка долго плакала, а когда дед сердился, плакала еще горше. Но дед косился в окно на дым, который стоял над трубой примерно за километр от их окна. Там жил один ссыльный, он был у них в гостях только раз. Бабушка, как всегда, накрыла на стол, и они с Донькой задремали было, но проснулись от крика пьяного гостя: «Мы все равно вас всех перережем...» А дед кричал на гостя: «Бендеровец недорезанный...» — и выталкивал его за дверь.

С тех пор сосед к ним больше не заходил. Но когда дед говорил о политике, то обязательно косился на бендеровский дым, объяснял:

— Не всех, кого надо, видимо, кончили, поскольку пока еще есть капиталистический лагерь.

С трех лет дед водил Доньку по тайге, и она уже знала все деревья, все следы, все птички посвисты, умела находить норы и гнезда и выстукивать дерево — гнилое или нет. В девять лет Дonya попала белке в глаз. Это был единственный случай на Донькиной памяти, когда дед поцеловал ее. Потом он посадил Доньку на поваленную лиственницу и тут же снял с белки шкурку. Дonya сидела очень гордая, в тулупчике, одно ухо шепки, как у щенка, задралось вверх, и валенки далеко не доставали до снега. А дед ходил вокруг нее и долго хвалил. Когда они пришли домой, он наконец сказал Доньке, что скоро будет учить ее рыбачить.

Это было главное его дело в жизни. Рыбу дед знал, как водяной. Он знал все рыбы повадки, привычки, аппетиты и хитрости. Но учил он Доньку пока только на Бирюсе, а это было еще не самое настоящее.

Хотя рыбу можно было ловить прямо с порога, всерьез дед ходил за рыбой на Ангару. Чаще всего вдвоем со своим старым другом Афанасием. Старики собирались долго, обстоятельно и садились в одну лодку, а вторая шла на буксире с припасами и утварью. За пять-шесть дней рыбачили старики обязательно успевали разругаться, и каждый перебирался в свою лодку. Потом они дотошно делили рыбу, так как в первые два-три дня обычно ловили вместе. А бабушка и жена Афанасия расходились по своим домам варить отдельно уху... Дед умывался, расчесывал бороду, крестился двуперстным крестом и садился есть. Ел он медленно и неохотно — кусок не шел в горло — и все поглядывал в окно на избу Афанасия. Тот тоже сидел у окна и ел медленно. И Дonya, и бабушка, и жена Афанасия знали, что уху все равно придется варить заново, потому что эта уже остыла, а подогревать без толку — рыба развалится. И поэтому, пока старики думали, как им мириться, бабушка начинала снова чистить рыбу. Все кончалось тем, что дед посылал Доньку к Афанасию сказать, что рыбу они поделили неправильно и Афанасий опять обманул его, — придется делить сначала. Афанасий велел Доньке передать, что сейчас придет и докажет деду, кто кого обманул. Потом он долго переодевался, и дед тоже переодевался, а бабушка ставила на стол в придачу к ухе строганину или даже банку покупных консервов и граненые стопки. Наконец Афанасий приходил, часто за ним появлялись еще гости, и тогда бабушка опять варила уху, и опять ходила за строганиной, и ставила на стол еще стопку и еще графинчик с травкой. Хотя все знали, что дед не верит ни в бога, ни в черта, сам он по-

чему-то утверждал, что он старовер и поэтому пить ему нельзя. Разрешалось пить только лекарственную, а для лекарственной надо обязательно класть в графинчик травку... Курить деду тоже, кажется, было нельзя, но он объяснял, что курит от мошки, — видимо, ихний староверческий бог недоглядел, запретил курить, а потом забыл и напустил на людей мошку и комара. Правда, зимой ни мошки, ни комара не было вовсе, но дед все равно курил.

Афанасий верил в обыкновенного бога, но и этот бог, видимо, чего-то недоглядел, и дед, выпивши, ругал Афанасия за то, что его бог допустил столько войн и на их памяти уже перебито видимо-невидимо народу. «Хоть своего бы вымолил», — безжалостно говорил дед, а потом спохватывался и наливал Афанасию еще водки и гладил по старому колючему плечу. У Афанасия на последней войне убили сына. Коляка был единственный сын — ладный, красивый и даже не успел жениться. Но ведь не он один погиб, и Афанасий говорил, что нечего теперь зря тревожить бога.

Часов в девять приходил ссыльный Василий Кириллович. Он был симпатичный, рассказывал Доньке сказки, а иногда вспоминал, как когда-то строил Шатуру.

Дед уговаривал его написать Сталину, чтобы Сталин узнал, какая получилась ошибка с Василием Кирилловичем. Но Василий Кириллович отмазывался.

После третьего графинчика дед начинал ругать Василия Кирилловича. Он объяснял ему, что, пока царь слал хороших людей в Сибирь, подальше, ничего удивительного здесь не было. Не зря же еще его собственный дед ушел от царей и от крепостного права в Сибирь и шел три года с женой, с детьми, со скотиной, пока не дошел сюда, в Красноярский край. А перед войной сюда опять начали ссылать хороших людей и больших специалистов.

После таких разговоров дед долго ходил по комнате или курил на крыльце, а Дonya собирала со стола, — бабушка стала старенькая и ложилась рано.

Однажды утром бабушка не проснулась. Теперь, когда Дonya видела уже столько смертей в больнице, мучительных, долгих, среди чужих людей, смерть бабушки казалась ей легкой. Но тогда она очень испугалась, потому что видела, как убивали зверя, птицу, рыбу, и еще никогда не видела мертвого человека. На похороны приехали мать с отчимом, и это был последний раз, когда Дonya видела мать. Года через три она тоже умерла.

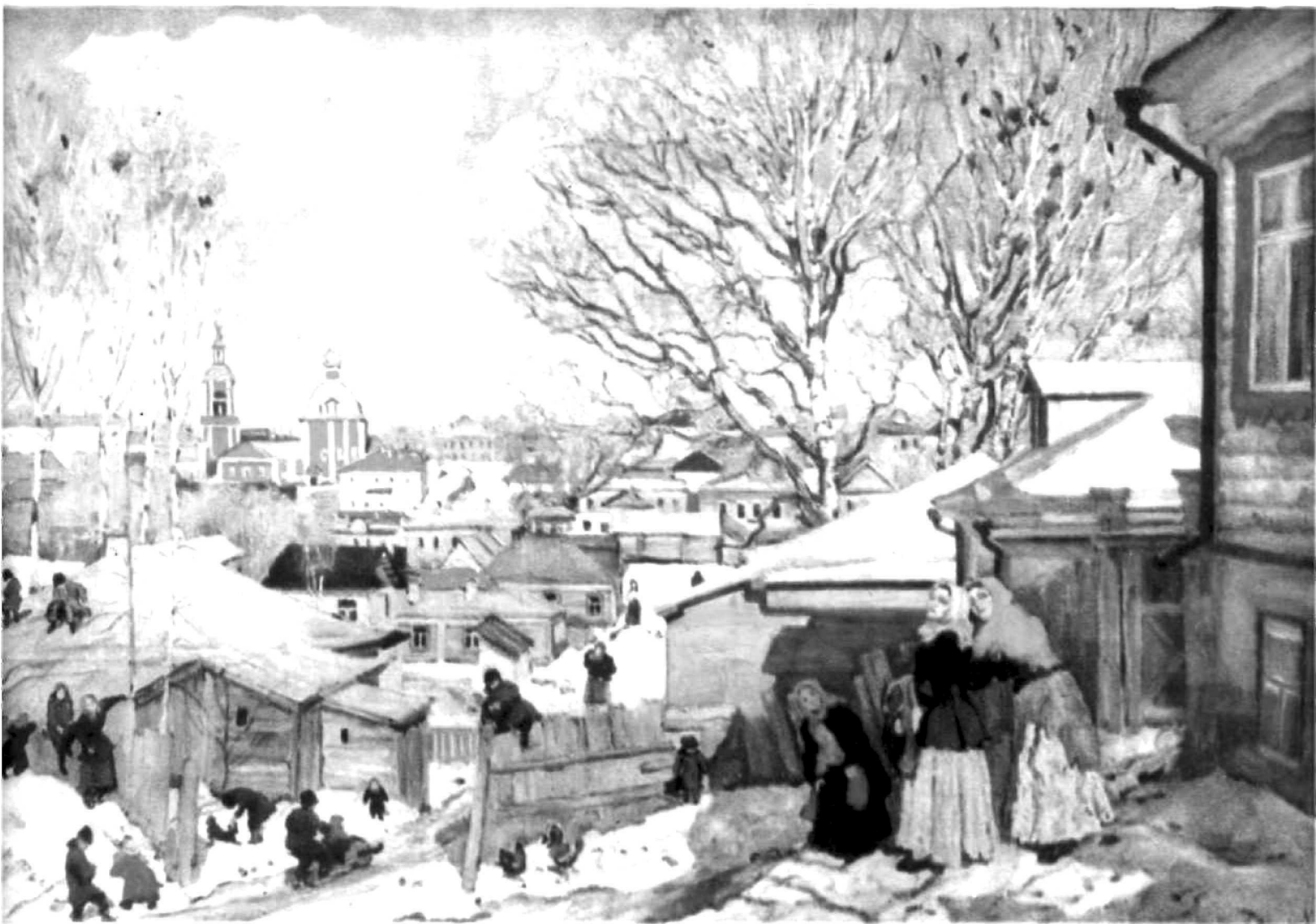
Они с дедом остались совсем одни, и Дonya пришлось переучиваться на девочку. Оказалось, то, что так с виду легко и привычно делала бабушка, вовсе не так уж просто. Дед совсем не знал, как мыть полы, и особенно был слаб насчет пирога. А гости все приходили, и надо было топить печь, угощать, подавать.

Сколько Дonya себя помнила, у них всегда были гости. И откуда они только брались? Казалось, глуше места не выберешь, но почему-то именно к ним приходили ночевать геологи, милиционеры, студенты и еще много разных, очень разных людей. И даже если у соседей или на лесосеке кто-нибудь болел, врач все равно ночевал у них. Наверное, потому, что бабушка держала все в чистоте, вкусно готовила, а дед любил гостей. У него были книги, и всю первую часть зимы работал приемник — дед не умел экономить батарейки. И Дonya так привыкла просыпаться в комнате, где обязательно похрапывали на полу, на кушетке два-три, а то и пять человек — ведь в тайге редко ходят в одиночку, — что даже удивлялась спросонок, если оказывалось, что они с дедом вдвоем в доме.

Дед на всякий случай прикармливал рябчиков вместе с курами, рябчики делались ручными, как цыплята. Кроме того, подвел прямо к дому ручеек и устроил маленькую заводь, куда каждый год напускал мальков, чтобы и рыба и дичь всегда были под рукой. Дonya еще иногда ходила с ним в тайгу, но это очень трудно, когда ты одна, быть сразу и мальчиком, и девочкой, и еще учиться. И теперь, пока дед запаса дрова или охотился, Дonya собирала малину и черную смородину и вечером, пока варилось варенье, читала, а осенью и зимой готовила уроки. Один год она не училась совсем: учительница уехала к сыну. Она была очень старая, но очень хорошая. Только Доньку обижало, что она с нею разговаривает, как с маленькой. Дед же, хотя и называл Донькушкой, считал ее взрослой. А все восемь мальчиков и девочек, которые учились вместе с Донькой, казались ей гораздо младше: ведь у них были папы и мамы.

А на следующий год дед повез ее за тридцать километров по Бирюсе, где была школа-семилетка.

(Продолжение в следующем номере).

К. ЮОН. ВЕСЕННИЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

Обычный московский переулочек. Тихий, малолюдный. Летом — зеленый, зимой — заснеженный. Здесь в доме, напоминающем старинный русский терем, уже много лет живет сказка.

Если вы войдете в дом, подниметесь по витой поскрипывающей деревянной лестнице наверх, то непременно окажетесь в обществе своих старых знакомцев — добрых и злых героев русских народных сказок, которые столько раз радовали и огорчали вас в детстве.

Тут и безнадежно грустная Несмеяна, и красавица Царевна-Лягушка, и непобедимый Добрыня Никитич, и удачливый Иван-Царевич, и грозный Змей-Горыныч и Кощей-Бессмертный, и, конечно, выскохшая от недобрых чувств к людям Баба-яга...

Дом-терем построил замечательный русский художник Виктор Васнецов.

Есть в доме-музее Васнецова среди других и картина «Ковар-самолет», репродукцию которой вы видите на этих страницах.

Вторая картина, которую мы печатаем,

«Весенний солнечный день», принадлежит кисти другого талантливого живописца — Константина Юона. Подлинники ее находятся в ленинградском Русском музее.

Третьяковская галерея, Эрмитаж, Музей изобразительных искусств имени Пушкина — кто не слышал об этих всемирно известных собраниях картин и скульптур! Но едва ли многие знают, что редчайшие картины, исполненные русскими мастерами, можно встретить и в музеях Пскова и Свердловска, Калуги и Новочеркасска, Горького и Владимира, Томска и Перми. Что, например, прекрасное полотно А. Куинджи «Лов рыбы на Черном море» находится в Хабаровске, «Осень» Левитана — в Смоленске, «Ранняя весна» В. Баяниного-Бирюли — в Ставрополе, «Перед обыском» Н. Касаткина — в Ярославле, а работы М. Нестерова — в Уфе.

Начиная с этого номера, мы будем знакомить читателей с картинами талантливых русских живописцев, хранящимися в различных музеях страны.

ЛИЦОМ К МУЗЫКЕ

Елена ТАРАСОВА

Взлет дирижерской палочки, и вот уже все двери оркестра распахнуты настежь — музыка!

Музыка! Лицом к ней, лицом к оркестру стоит дирижер.

Черный фрак, торжественно вскинута голова, энергичные движения рук... Едва ли кто-нибудь из случайных посетителей симфонических концертов по-другому представляет себе человека, возвышающегося над оркестром.

Дирижер — мужчина, только мужчина. Но вот это высокое место занимает женщина.

Любители музыки пожимают плечами. Несколько секунд с их лиц не сходит недоуменное выражение: нарушена традиция, а это всегда тревожит. Зал напряженно ждет. Но стоящая за дирижерским пультом стройная черноволосая женщина так умело владеет оркестром, движения ее так выразительны и точны, что тревога уступает место волнению, а через некоторое время вообще никто не замечает дирижера. В зале безраздельно царит музыка.

Впрочем, и недоумение слушателей и опасения оркестрантов для народной артистки РСФСР Вероники Дударовой уже история. Но как и в день своего первого выступления, она перед каждым концертом испытывает не просто душевный подъем, без которого немислим успех в искусстве. На какое-то мгновение дирижера охватывает ощущение полной беспомощности и даже страха, да, страха, страха перед безмолвными нотными знаками, перед музыкантами, перед слушателями.

Ведь это от нее, от ее умения слиться с композитором, прочувствовать его замысел зависит, как будет звучать симфония, ради которой собрались в концертном зале люди.

Успех дирижера — это не только успех оркестра, это и успех композитора.

Произведение искусства каждый человек воспринимает по-своему. Но между живописцем и зрителем, писателем и читателем, как правило, нет посредников, а композитор целиком во власти исполнителей. «Я больше всего боюсь дирижера!» — восклицал Берлиоз. И действительно, как прочтет партитуру дирижер? От него, от его понимания и трактовки произведения зависит многое. Оркестр является выразителем дирижерской воли. И очень важно, чтобы эта воля не стала своеволием. И это хорошо понимает Дударова.

С композитором Дебюсси был однажды такой случай. Прослушав свое новое произведение, он сказал музыкантам: «Вы играете третью часть вдвое быстрее, чем у меня задумано... Но так гораздо лучше!» Может ли быть более высокая похвала дирижеру! Дирижер — это в какой-то мере режиссер, который все время на сцене и от которого каждый миг зависит успех концерта.

Как человек, читающий в разные годы «Работница» № 3.

одну и ту же книгу, всякий раз по-другому осмысливает ее, так и дирижер, — партитура одного и того же музыкального произведения звучит для него каждый раз немного по-новому. И в необходимости этого нового он, отлично знающий возможности каждого инструмента, должен убедить участников оркестра.

Воздействие на музыкантов — а ведь их перед дирижером не один-два человека, а 75—80 — тоже одна из сложнейших сторон дирижерской профессии.

Французское слово дирижер — *chef d'orchestre* («глава оркестра») — означает лицо, руководящее, отдающее приказания. Свою волю оркестру дирижер передает с помощью жеста, мимики.

«Когда каждому музыканту оркестра кажется, что вы дирижируете только для него одного, — сказал как-то известному дирижеру один из оркестрантов, — значит, вы дирижируете хорошо».

Именно так говорят об искусстве своего главного дирижера и художественного руководителя Вероники Борисовны Дударовой музыканты симфонического оркестра Всесоюзного гастрольно-концертного объединения.

Каждый из них все время чувствует на себе ее взгляд — то требовательный, то удовлетворенный, то ожидающий, то подбадривающий, то порицающий, а то просто за тридевять земель занесенный любимой музыкой. И в долгие часы репетиций и во время концертов оркестранты всегда во власти этого взгляда, во власти взмахов дирижерской палочки.

Несколько слов о палочке дирижера. — По-моему, дирижировать без палочки, — сказала мне Вероника Борисовна, — скверная привычка, хотя это, кажется, на Западе и становится модным. Дирижерская палочка, удлиняя руку дирижера, делает более четким каждое движение.

Действительно, правая рука, вооруженная палочкой, регулирует темп, ритм, размер; левая же указывает нюансы, оттенки музыкального произведения.

«Правая рука — от разума, левая — от сердца», — утверждает французский дирижер Шарль Мюнш.

Некогда дирижирование (искусство это молодо — ему немногим более ста лет) сводилось лишь к отбиванию тактов. На первых порах функции дирижера выполнял сначала клавесинист, потом — первая скрипка.

Рихард Вагнер был первым крупным дирижером, разработавшим жесты, дирижерскую мимику и положение — спиной к публике. Затем прославились как выдающиеся дирижеры Лист, Штраус, Тосканини, Рубинштейн, Направник...

И тогда и позже дирижерская профессия считалась мужской, и в ее святая святых долгое время не допускали женщин.

Но вернемся к Веронике Дударовой,

к слову сказать, единственной в Москве женщине, к тому же осетинке, руководящей симфоническим оркестром.

Трудно, почти невозможно вспомнить сейчас, когда впервые ее захватила мечта стать за дирижерский пульт, чтобы диктовать свое понимание музыки оркестру, заражать своей любовью к ней зал.

По словам близких, она уже в четыре года, не умея еще по-настоящему играть на фортепиано, а только следя за занятиями сестры и изредка подбирая по слуху мелодии знакомых песен, сказала: — Хочу играть на оркестре.

Впрочем, взрослым свойственно порой в желаемом направлении осмысливать случайно брошенные ребенком слова. Но то, что восьмилетнюю Веронику приняли в школу одаренных детей при Бакинской консерватории, никакому сомнению не подлежит. Так было. Было и огромное, совсем не детское увлечение музыкой, особенно симфонической.

В Ленинграде, куда из Баку переселилась семья Дударовых, Вероника продолжала занятия на фортепиано в музыкальном училище при Ленинградской консерватории и одновременно начала работать. Была концертмейстером в одном из ленинградских Домов культуры, пианисткой в кукольном театре...

Однажды ей удалось попасть на концерт Софроничского. Исполнялись произведения Скрябина. Вероника последней ушла из концертного зала, потрясенная обрушившимся на нее шквалом звуков.

— С тех пор, — говорит Вероника Борисовна, — я убежденная поклонница Скрябина.

Вскоре для нее, уже знавшей и любившей Бетховена, впервые открылась вся глубина и философская мощь его симфоний. В Ленинграде гастролеровал известный немецкий дирижер Отто Клемперер, исполнивший со своим оркестром Третью и Пятую симфонии Бетховена.

Все было точно так же, как на концерте Скрябина. Давно уже замерли последние звуки оркестра, зрители, шумно делясь впечатлениями, расходились по домам, медленно, один за другим, гасли огни люстры. Этого не замечала Вероника Дударова, затерявшаяся в глубине концертного зала.

Может быть, тогда она впервые по-настоящему и утвердилась в желании стать дирижером.

И вот Московская консерватория. Вероника Дударова среди тех, кто подал заявление на первый курс дирижерского факультета.

Первый экзамен — рояль — был сдан на пятерку. Второй, решающий, был дирижирование, о котором Вероника в то время имела довольно смутное представление.

А среди экзаменаторов, как на грех, — крупнейшие музыканты страны, виднейшие дирижеры столицы.

— Почему вы решили стать дирижером?

— Не устраивает фортепьяно! Очень люблю оркестр.

— Не назовете ли нам свои самые любимые оперы?

— «Аида», «Пиковая дама»...

— Не скажете ли, как начинается «Аида»?

— Прозрачным звучанием, — не очень уверенно говорит Дударова.

Вместо нового вопроса ей протянули палочку и попросили поруководить пианистами, исполнявшими на двух роялях симфонию Моцарта «Соль-минор».

Вероника принялась отбивать такты, но уже через несколько минут опустила руки.

— Что случилось? Почему вы прервали? — поинтересовались экзаменаторы.

— Они не так играют.

Члены комиссии переглянулись:

— А как бы вам хотелось?

Смущенная девушка напела начало симфонии.

На этом, кажется, и закончился экзамен.

Убежденная в полном провале, Вероника уныло покидала класс.

— Чем вы недовольны? — остановил ее декан дирижерского факультета Г. А. Столяров.

— А чему, собственно, радоваться?

— Но и причин для уныния я не вижу: дирижером вы будете!

Что еще говорил декан и сказал ли он вообще еще что-нибудь, Вероника не слышала. В ушах на разные голоса звучало: «Дирижером вы будете!», «Будете!».

И она стала дирижером.

Существуют на свете дела, которые и интересуют и увлекают, но не занимают ими человек только в отведенные для работы часы, а кончился трудовой день — и ты свободен.

Работа дирижера, как, впрочем, и множество других творческих профессий, не отпускает ни на час. Даже во время отдыха Вероника Дударова во власти звуков. Может быть, поэтому все двери в ее квартире обиты, как в кабине звукозаписи. Дома — тишина. И непрерывная внутренняя работа.

...Встречаясь с человеком, вооруженным дирижерской палочкой, в праздничной обстановке концертного зала, даже искушенные любители музыки не в полной мере представляют себе, что каждый концерт требует от дирижера огромного нервного, физического, умственного напряжения и большой подготовительной работы с партитурой, в которую занесена каждая нота, исполняемая любым из музыкантов.

А репетиции? Сколько сил и энергии отнимают они у дирижера! Особенно нелегко даются встречи с новыми оркестрами во время гастрольных поездок.

Только счастливое сочетание художественного дара с педагогическим помогает Веронике Дударовой не только подчинить себе оркестр, но и заслужить его признание.

Но вот наконец партитура освоена. Репетиции позади. Вероника Дударова снова перед дирижерским пультом.

Взлет дирижерской палочки, и все двери оркестра распахнуты настежь — музыка!

Музыка! Лицом к ней, лицом к оркестру стоит дирижер...

Внуки Груни Корнаковой

Город этот видится как бы в трех временных измерениях. В его постоянно меняющемся облике переплетаются и вековая история, и сегодняшняя новь, и черты будущего.

Улица обрывается у реки. Там, над противоположным берегом, небо расчерчено стрелами подъемных кранов, воздух наполнен гулом самосвалов и бульдозеров, горизонт закрыт шеренгой пятиэтажных зданий. А здесь — маленькие деревянные домики, типина. Но оглянешься — и увидишь красные заводские корпуса, высокие трубы, услышишь приглушенный шум работающих цехов.

Когда-то здесь стоял маленький, затерявшийся в тверских лесах поселок Кузнецово. Все было в нем хозяйское: и фабрика фаянса, и имя поселка, и домики на его улицах. Одним только не мог распоряжаться Кузнецов — мыслями людей, хотя и пытался делать это. Сам старообрядец, хозяин фабрики всячески поддерживал единоверцев: назначал их на должности мастеров и смотрителей цехов, давал им бесплатные квартиры и другие привилегии. Религия разбивала рабочих на два враждующих лагеря. Кузнецову это было на руку. И все-таки он просчитался. Рабочие объединились и выступили против хозяина, против каторжных условий труда на фабрике.

В феврале 1905 года, через месяц после «Кровавого воскресенья» в Петербурге, кузнецовская фабрика остановилась: началась забастовка. Только с помощью вызванных солдат удалось хозяину справиться с рабочими.

Весной 1906 года фабричный рабочий большевик Порфирий Конаков организовал в поселке первый марксистский кружок. Собирались или в домах, или в «окопчиках» — канавах на опушке бора. Порфирий вынужден был скрываться от кузнецовских шпионов. Осенью того же года он стал одним из организаторов восстания матросов в Кронштадте. Его схватили, судили и расстреляли.

Большая забастовка вспыхнула на фабрике в 1915 году. А еще через два года рабочие сами стали управлять ею. Началась новая история поселка фаянщиков. В 1930 году его назвали именем Порфирия Конакова, а через несколько лет — преобразовали в город.

Обо всем этом мне рассказывали старейшие конаковцы: супруги Осетровы, одна из первых коммунисток на заводе — Евдокия Васильевна Чурашкина, первый красный директор завода Василий Тимофеевич Смирнов, участник кружка, созданного когда-то Порфирием Конаковым, Михаил Яковлевич Илютин.

У карты родной страны

НЕ В КРА

Их рассказ мне вспомнился, когда я попал на фаянсовый завод имени Михаила Ивановича Калинина (так называется теперь бывшая кузнецовская фабрика). В живописном цехе меня познакомили с работницей Галей Львовой, милой молодой женщиной. Мы сидели с ней и говорили о заводе, о цехе, о ее работе. Галя спросила меня:

— Вы видели фильм «Соловей-Соловушка»? Это про наш город, про завод. Недавно его у нас показывали. Так интересно, так интересно! Три вечера показывали, и на всех сеансах народу битком было. А потом мы с девочками по заводу ходили. Как же все изменилось у нас! Мы и не знали.

Да, есть такой фильм. Первый советский цветной фильм. Второе название его — «Груня Корнакова». Фильм этот рассказывает о прозрении молодой певуны Груни Корнаковой, о постепенном превращении ее в борца за дело рабочего класса. В заключительном эпизоде раненая Груня, смочив косынку собственной кровью, подает восставшим женщинам сигнал к нападению на жандармов.

Теперь о кузнецовских временах на заводе напоминают лишь несколько старых зданий да цифра «1910» на одной из труб. Основные же цехи перестроены, переделаны. Появились и новые корпуса.

Олектроничи, автоматика, ультразвук, поточные линии, новая технология, люминесцентные лампы — все это совершенно изменило и характер и условия труда. Работается людям все легче и радостней. Растет из года в год выпуск фаянса и майолики. В нынешнем году завод даст продукции в полтора раза больше, чем в 1958 году. А через несколько лет, когда закончится его реконструкция и появятся два новых огромных корпуса, выработка фаянса и майолики удвоится.

Рассказывая о цехе, Галя несколько раз повторила: «Наша бригада скоро завоеует звание коммунистической».

У Гали Львовой точная рука. Быстрое движение — и кисточка оставляет на керамике тарелки цветную полоску.

